

Моисеева Е. Ю.

ЯВЛЕНИЕ МОТИВАЦИИ СЛОВ В ДИНАМИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА ПРИМЕРЕ ФИТОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА)¹

Приводится анализ результатов, полученных в ходе психолингвистического эксперимента. Материалом для исследования послужила фитонимическая лексика русского языка. Целью эксперимента являлся анализ развития наименований лекарственных растений в мотивологическом ключе. Для проведения эксперимента было отобрано 23 фитонима. В ходе анализа было установлено, что 12 фитонимов подверглись динамическим изменениям в сильной степени, 11 фитонимов не проявили значительных черт динамических изменений.

Ключевые слова: *мотивация, мотивология, мотивировочный признак, номинационный признак, мотивационный признак, фитоним, ремотивация, демотивация, лексикализация, внутренняя форма слова.*

Мотивация слов и мотивированность языкового знака интересовали лингвистов достаточно давно. Среди ранних и наиболее известных работ, посвященных данной проблематике, следует перечислить работы Платона («идея образа» и «идея имени»), А. А. Потебни («внутренняя форма слова»), Ф. де Соссюра («произвольность» и «мотивированность» знака) и Ш. Балли (постоянная потребность носителей языка в ассоциировании слов). Возросший в XIX–XX вв. интерес к проблеме мотивированности знака (работы Т. Г. Аркадьевой, Т. В. Гамкрелидзе, В. Г. Гака, М. М. Гинатулина, Н. Д. Голева, В. В. Левицкого, И. С. Топорцева, В. Ченьковского, Д. Н. Шмелева и многих других) приводит к возникновению в лингвистике нового самостоятельного научного направления – мотивологии. В 1974 г. О. И. Блинова дает в своей докторской диссертации «Проблемы диалектной лексикологии» первое полное и систематизированное представление мотивологии как направления, изучающего мотивацию слов, и закладывает основу томской мотивологической школы (Мотивология, 2012; Блинова, 2007; Блинова, 2012).

Одним из принципов современной мотивологии является принцип диахронности, предусматривающий изучение мотивации слов в динамическом аспекте. Как отмечает в своей монографии «Мотивология и ее аспекты» О. И. Блинова, «явление мотивации и ВФС², типы мотивированности слова, актуализация мотивационных связей слова не могут быть до конца поняты и объяснены вне тех языковых тенденций и лексических процессов, итогом и отзвуком которых они являются. Вне динамики языка нельзя определить место и роль явления мотивации в лексико-семантической системе языка» (Блинова, 2007: 196). С точки зрения мотивологического подхода динамика языка раскрывается посредством взаимонаправленного и взаимообусловленного действия двух языковых тенденций: тенденции к мотивированности языкового знака (стремление носителя языка логически связать форму и содержание) и тенденции к произвольности

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 13-14-70001 а/Т «Этнокультурная специфика наименований объектов растительного и животного мира и ее отражение в самодийских, германских и русском языке».

² Здесь и далее: внутренняя форма слова.

языкового знака (стремление к свободному (произвольному) комбинированию формы и содержания). Первую тенденцию можно проследить на примере таких процессов, как ремотивация, немотивация и номинация исконными средствами языка. Вторая тенденция находит свое отражение в процессах демотивации и лексикализации ВФС (Блинова, 2007).

Исследование указанных процессов проводится в рамках антропоцентрического подхода, а также с позиций лингвистической прагматики, позволяющих проследить явление мотивации и языковую реализацию коммуникативного поведения носителей языка (Которова, 2013: 58). Наиболее доступным и достоверным средством получения сведений о языке является психолингвистический эксперимент, отражающий метаязыковые знания говорящего (Блинова, 2007). Как отмечает И. В. Тубалова в своей кандидатской диссертации «Показания языкового сознания как источник изучения явления мотивации слов», «прием психолингвистического эксперимента отличается апелляцией к сознанию носителя языка, цель его – получить результаты осмысления носителем языка элементов своего языка» (Тубалова, 1995: 28).

Изучение фитонимической лексики русского языка в динамическом аспекте проводилось, таким образом, посредством психолингвистического эксперимента, цель которого – проследить развитие наименований лекарственных растений в мотивологическом ключе. Этапами исследования, предваряющими эксперимент, являлись детальный этимологический анализ фитонимической лексики русского языка (травянистые лекарственные растения Сибири) и классификация отобранных фитонимов в зависимости от мотивировочных признаков, послуживших основой их номинации (Моисеева, 2013). Изначально анализу подверглись 73 фитонима, однако материалом для проведения настоящего психолингвистического эксперимента послужили 23 фитонима (наименования дикорастущих травянистых лекарственных растений): *белена, бессмертник, валериана, василек, гвоздика, девясил, донник, дурман, душица, зверобой, иван-чай, клевер, кровохлебка, кувшинка, лебеда, лопух, мать-и-мачеха, папоротник, пижма, подорожник, пустырник, тысячелистник и чистотел*. Выбор именно данных лексем обусловлен ареалом их распространения (Западная и Восточная Сибирь) и известностью для респондентов. В ходе анкетирования респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Как Вы думаете, почему данные растения так называются?» В эксперименте приняли участие 54 человека, таким образом, было получено 1242 реакции. Возраст респондентов варьировался от 13 лет до 71 года, среди них 42 женщины и 12 мужчин.

В результате обработки полученных реакций были выделены следующие группы метаязыковых показаний:

1. Показания, актуализирующие мотивационные отношения лексем с непосредственным указанием мотиваторов, например: «бессмертник – растение от бессмертия // подорожник – растет по краю дороги».

2. Показания, содержащие номинационные признаки лексем без упоминания ее мотиваторов, например: «василек, иван-чай – от имени человека».

3. Показания, отражающие неуверенность при ответе, с/без указания номинационных и/или мотивационных признаков, сопровождались словами *может быть, не уверен (а), наверно, скорее всего*.

4. Показания, отражающие затруднения при ответе, в эту группу попадают ответы типа *не знаю, затрудняюсь (ответить)*.

5. Показания, указывающие на иноязычное происхождение слова, часто респонденты также отмечали язык- и лексему-источник, например: «валериана – возможно, от латинского корня *valeo* // клевер – вероятно, заимствованное слово, что-то англосаксонское».

6. Ассоциативные показания, например: «душица – есть свойство приправы // иванчай – полезно для печени, почек // гвоздика – гордость, стойкость»; подобные реакции, по-видимому, свидетельствуют о неверном понимании вопроса, поставленного в анкете, что требует совершенствования подобной методики анкетирования в дальнейшем.

7. Показания, содержащие эксплицитную индивидуально-авторскую мотивацию, т. е. респонденты формально сближают созвучные разнокоренные слова, например: «гвоздика – *дикая* роза // девясил – от слова «*вяжет*» // папоротник – им Пап пороли... Римских»; данные реакции единичны и не являются показательными для настоящего исследования, они, скорее, свидетельствуют о вариативности языкового знака, способности языка к развитию новых валентных связей слов.

Дальнейший мотивологический анализ развития фитонимов основывался на количественном распределении реакций между группами метаязыковых показаний. Следует отметить, что не у всех фитонимов был выявлен полный спектр вышеуказанных групп, например: реакции, содержащие указание на иноязычное происхождение слова, были отмечены при анализе только 7 лексем: *белена* (1)³, *валериана* (12), *василек* (2), *гвоздика* (1), *клевер* (8), *папоротник* (1) и *пижма* (3)⁴. Еще ниже число ассоциативных показаний и показаний, содержащих эксплицитную индивидуально-авторскую мотивацию. Таким образом, динамическое развитие фитонимов исследуется в данной статье без учета показаний групп 5–7.

Анализ отобранной фитонимической лексики с учетом показаний групп 1–4 позволяет проследить явление лексической мотивации в динамическом аспекте в обоих его проявлениях. Так, о силе тенденции к мотивированности языкового знака свидетельствует, к примеру, стремление респондентов, несмотря на недостаточность знаний или неполноту представлений о внешнем виде и/или свойствах растения, логически объяснить его название, т. е. связать форму и содержание языкового знака. Многие респонденты проявляют при этом достаточную уверенность. Такое стремление мотивировать, а точнее, ремотивировать лексемы особенно четко можно проследить на примере таких лексем, как *белена*, *донник* и *звербой*.

Согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, лексема *белена* (др.-рус. *белень* ‘греза’) восходит к корню ие. **bhel-* ‘говорить, кричать’, т. е. изна-

³ Здесь и далее в круглых скобках указывается число реакций.

⁴ Примечательно, что в более чем половине случаев показания метаязыкового сознания носителей языка совпадают с фактической этимологией лексемы: фитонимы *клевер*, *пижма*, *валериана* и *василек* действительно являются заимствованиями, фитоним *гвоздика* является калькой свн. *pedelkín*, фитонимы *белена* и *папоротник* индоевропейского и старославянского происхождения соответственно (Моисеева, 2013).

чальным мотивировочным признаком при номинации данного растения послужило его свойство вызывать галлюцинации и бред (Фасмер 2009: 147). Полученные метатексты, однако, свидетельствуют о полной ремотивации данной лексемы, в первую очередь на уровне мотивационного признака, а в большинстве случаев и на уровне номинационного признака. Респонденты отмечают в качестве лексических мотиваторов прилагательное *белый* и глагол *бледнеть*: «цветок белый // испускает белый сок // цветет белым цветом // красит в белый цвет // каким-то образом связано с белым цветом, возможно, цветет белым цветом», «после употребления бледнеет цвет кожи // придает коже бледность, от слова белить» (44). Только 4 реакции содержат в качестве номинационного признака галлюциногенное свойство белены: «вызывает помутнение сознания // затуманивает рассудок // это как белая горячка», в остальных подчеркиваются цвет растения или его частей (35), ядовитость (8), отбеливающие свойства (6), запах растения (2) и способность вызывать бешенство (1).

Фитоним *донник* представляет собой наиболее яркий пример ремотивированной лексемы. Мотивировочным признаком, послужившим основой номинации лексемы, стали лекарственные свойства данного растения. Являясь дериватом лексемы др.-рус. *дьна, дна* ‘ломота в суставах’, восходящей к ст.-слав. *дьна* ‘подагра’ (от **dbno* ‘внутренняя болезнь’), лексема *донник* указывает на применение данного растения в народной медицине для лечения внутренних болезней (болей) (Моисеева, 2013). При обращении к метатекстам становится ясно, что мотивация лексемы была полностью переосмыслена носителями языка. Незнание ареала распространения⁵ и свойств растения приводит к сближению и в дальнейшем отождествлению фитонима *донник* со сходными по внешней форме лексемами *дно* и *Дон*: «под водой, на дне // растет на дне пруда или водоема // с дном связано // от слова дно» (33), «первоначально рос на Дону // произрастает на Дону» (4). В качестве актуализируемых номинационных признаков выступают место произрастания: «растет в низинах, в низменностях // в низине, ближе к болоту // придонный, растет по берегам, речной // находят там, где дно оголяется // растет в темных местах // растет в низине, в ямах» (34), и высота растения: «стелется по земле // может быть, это очень низкое растение» (2). Следует также отметить, что данная лексема прошла стадию лексикализации ВФС, так как только 3 реакции отражают неуверенность респондентов в выборе мотивировочного признака: «от слова Дон, может, на реке Дон широко распространен // может быть, растет в низинах, на дне».

Фитоним *зверобой* подвергся процессу ремотивации достаточно давно. Современная форма данной лексемы является результатом произошедшей ранее лексической ремотивации с изменением звуковой оболочки слова. Проколотая, как бы продырявленная, форма листа зверобоя послужила номинационным признаком при образовании фитонима, в качестве мотиваторов выступили лексемы **дира* и *бой* (Моисеева, 2013). Негативное действие зверобоя на животных, способность растения сохранять свои токсичные свойства даже в сене (Гаммерман, 1983) привели к переосмыслению лексемы и отождествлению в языковом сознании ее первого компонента со словом *зверь*.

⁵ Донник произрастает на сухих лугах и травянистых склонах (БС, БАП, 2005: 259).

Полученные в ходе проведенного эксперимента метатексты демонстрируют выделение в современном языковом сознании двух лексических мотиваторов: *зверь* и *бой*, причем второй часто актуализируется в метатекстах опосредованно, например: «способен сломить некоторых зверей // ядовитый для зверей // валит с ног зверя // звери им травятся». Несмотря на то, что большинство респондентов по-прежнему отмечают в качестве номинационного признака негативное влияние зверобоя (чаще ядовитость, также отпугивающие свойства, смертельность)⁶, следует отметить тенденцию к дальнейшей ремотивации путем метафорического переноса значения мотиваторов или выделения в качестве номинационных признаков других свойств растения. Так, некоторые респонденты отмечают лечебные свойства зверобоя как для человека, так и для животных, например: «растения, которыми первоначально лечили зверей // охотничья трава, звериная трава, ей лечатся звери // от всех болезней в одном // полезная, боюсь предположить... может, лечит так, подобно тому, как зверь дрался бы с болезнью» (9). Мотиватор *зверь* также воспринимается метафорически и отождествляется с болезнью, например: «бой зверю, т. е. болезни» (3); некоторые респонденты указывают вкус в качестве номинационного признака: «горечь // яркий, терпкий» (3) и ссылаются на предназначение растения (2).

Кроме того, фитоним проявляет, согласно полученным результатам, черты лексикализации ВФС, вызванной неосведомленностью респондентов о свойствах растения. Многие выделяют компоненты ЗВЕР и БОЙ (ВФС ЗВЕР/о/БОЙ), но затрудняются или проявляют неуверенность при объяснении: «не знаю, наверно, применялся на бойнях, только разве что зверей убивает, нет, это не надо писать! // видимо, назван так, потому что скотина его не ест // возможно, убивает внутреннего «зверя» // бой зверей? // может быть, когда большие группы охотников уходили далеко от дома, то находили эту траву, чтобы убить много зверей» (12).

Еще одним проявлением тенденции к мотивированности языкового знака является неомотивация, т. е. создание в языке слов-параллелей к мотивированным и немотивированным словам (Блинова, 2007). В отобранной фитонимической лексике случаев неомотивации, однако, отмечено не было. Данному лексическому процессу следует, таким образом, посвятить отдельное исследование, предполагающее, например, изучение народных и научных наименований лекарственных растений.

Явление лексической номинации как одно из проявлений тенденции к мотивированности языкового знака можно также проследить в полученных метатекстах. Довольно часто респонденты не употребляют в своих высказываниях непосредственно мотиваты, а указывают номинационные признаки, обусловившие, по их мнению, возникновение названия. В некоторых случаях эти номинационные признаки совпадают с мотивационными и выражаются непосредственно, однако отмечены случаи, когда респонденты, скорее, называют номинационный признак опосредованно, например, при объяснении фитонимов *бессмертник*, *мать-и-мачеха* и *душица*.

Происхождение фитонима *бессмертник* большинство респондентов объясняют без использования мотиваторов, например: «долго не вянет // долго живет // цветы этого растения не увядают // улучшает здоровье, увеличивает продолжительность жизни //

⁶ Респонденты, в частности, ссылаются на ядовитость для животных (28), для человека (1) или не уточняют (1).

устойчив к резким климатическим условиям // потому что цветок не высыхает и не опадает»⁷ (39), и только около одной трети опрошенных актуализируют в своих ответах мотиваторы *смерть, бессмертие, бессмертный, умирать*: «от слова смерть // растение от бессмертия // потому что бессмертный // сухой цветок, никогда не умирает, а только засыхает» (14).

При объяснении происхождения фитонима *мать-и-мачеха* более половины респондентов ссылаются на различные номинационные признаки (двойственность, форма листа, форма цветка, лекарственные свойства) без упоминания мотиваторов (32) и около трети упоминают в своих высказываниях мотиваторы *мать, мачеха*, например: «две противоположности, от родного к неродному // одна сторона листа гладкая, приятная на ощупь, а другая – холодная» и «его [растения] листья с одной стороны гладкие, с другой стороны колючие, как мать и мачеха» (14). Таким образом, следует сделать вывод, что очевидность структуры фитонима побуждает респондентов, скорее, отступить при объяснении от повторения его компонентов и выделить именно номинационный признак лексемы.

В случае с фитонимом *душица* число реакций, содержащих номинационный признак запах опосредованно, например: «пахнет вкусно // ароматное растение // имеет явный запах и аромат» (28), и реакций, в которых реализованы мотиваты, например: «от душистый, т. е. у растения очень терпкий аромат // обладает душистым ароматом // пахучая, от слова дух, т. е. запах» (25), практически равно. Во втором случае респонденты часто актуализируют параллельно и номинационный признак, как бы поясняя свое высказывание. Первостепенность номинационного признака вызвана просторечной сферой употребления (ТС 2007) и низкой частотностью мотиватора *дух* ‘запах’, что также подтверждается стремлением респондентов дублировать мотиватор опосредованно, дополнительно объяснить его.

Опосредованное название номинационного признака может затрагивать не только лексему целиком, но и один из ее компонентов. Причинами являются как очевидность компонента для респондента, так и стремление к его метафорическому объяснению. В качестве примеров можно привести фитонимы *иван-чай* и *зверобой*. Второй компонент фитонима *иван-чай* ЧАЙ не упоминается только в 5 реакциях, в 4 он указывается опосредованно: «в честь Ивана, можно использовать для приготовления напитка // вероятно, какой-то Иван использовал сей сорняк в качестве заварки», в остальных метатекстах он реализуется непосредственно: «чай от Ивана // Иван пьет чай из этой травы».

Наибольший интерес представляет мотивировка респондентами первого компонента фитонима ИВАН. Ровно половина респондентов упоминает этот компонент непосредственно, отождествляя его с именем собственным, о чем свидетельствует написание с заглавной буквы (27), некоторые респонденты не актуализируют в своих объяснениях данный компонент: «растет в лесу для чая // цветы этого растения добавляют в чай» (9). Остальные предлагают различные номинационные признаки (20). Общей

⁷ Изначальный мотивировочный признак лексемы *бессмертник* «неувядаемость» присутствует только в 8 реакциях, в основном респонденты ссылаются на длительность роста / цветения (12). Также при более детальном анализе метатекстов выяснилось, что некоторые респонденты склонны осуществлять метафорический перенос при объяснении и полагают, что в основу названия легло свойство растения продлить жизнь / давать бессмертие (8).

чертой таких метатекстов является метафоризация компонента ИВАН⁸. Так, ИВАН трактуется как русский/свой (5), народный/крестьянский (5), мужской (3), божественный (2), друг (1), полезный (1), например: «чай для русских // чай для Ивана, употреблялся в народе как чай // напиток для мужчин, мужская трава // Иван – милость божья, чай, посланный Богом // пить чай с Иваном, т. е. с другом // полезный чай». Несмотря на то, что 2 реакции отражают негативную трактовку компонента ИВАН, в качестве номинационного признака выступает массовость: «дешевый заменитель чая, Иван – массовый, плохой, на халяву // наверно, так же много растения на полях, как Иванов на Руси», в целом можно утверждать, что данному компоненту приписываются положительные коннотации. Изначальный номинационный признак лексемы *иван-чай* достоверно не известен. В качестве мотивировочных признаков упоминаются время цветения⁹ и способ применения (Моисеева, 2013; Головкин, 1992); кроме того, выдвигается гипотеза о деривации компонента ИВАН от лексемы *ива*, вызванной внешним сходством листьев иван-чая и ивы (Головкин 1992).

В случае с фитонимом *зверобой* опосредованно реализуется чаще второй компонент: БОЙ (16), например: «способен сломить некоторых зверей // смертелен для зверей // валит с ног зверя // полезная, боюсь предположить... может, лечит так подобно тому, как зверь дрался бы с болезнью». Первый компонент, ЗВЕР, также реализуется опосредованно, однако в случае метафорического понимания компонент БОЙ обязательно реализуется непосредственно, например: «бой зверю, т. е. болезни // убивает боль». Чаще респонденты актуализуют первый компонент в его прямом значении (8), при этом опосредованно реализуются оба номинационных признака, например: «является ядовитым для многих животных // вредит животным // видимо, назван так, потому что скотина его не ест».

Вторая тенденция развития языкового знака, тенденция к произвольности, может быть также хорошо проиллюстрирована на материале исследуемой фитонимической лексики. В ходе анализа были выделены лексемы, в той или иной степени подвергшиеся процессу демотивации и лексикализации ВФС.

Более широко в исследуемом материале представлен процесс демотивации, т. е. утраты словом мотивировочного значения. Степень демотивации лексемы варьировалась от нулевой, как в случае с лексемами *кувшинка* и *подорожник*, которые не проявили, согласно полученным метатекстам, черт демотивации, до высокой. Так, при заполнении анкеты только незначительное число респондентов испытали трудности при анализе таких фитонимов, как *белена* (1), *бессмертник* (1), *дурман* (1), *душица* (1), *чистотел* (1) и *тысячелистник* (2), что свидетельствует о крайне низкой степени демотивации данных лексем. К фитонимам с низкой и средней степенью демотивации были отнесены *гвоздика* (4), *зверобой* (5), *иван-чай* (7), *пустырник* (6), *кровохлебка* (8), *матьи-мачеха* (8), *девясил* (9), *валериана* (12), *василек* (12) и *донник* (13). Высокая степень демотивации отмечена у таких лексических единиц как *папоротник* (27), *клевер* (28) и *пижма* (32). Несмотря на немотивированность указанных фитонимов, были зарегистри-

⁸ Только в 1 реакции был зафиксирован номинационный признак имя: «с именем связан чай».

⁹ Растение зацветает в конце июня, период цветения, таким образом, совпадает с православным праздником Рождества Иоанна Предтечи (24 июня по старому стилю), называемого в народе Иваном (Моисеева, 2013).

стрированы показания метаязыкового сознания, отражающие стремление носителей языка мотивировать лексическую единицу, что свидетельствует о начале процесса ремотивации.

При анализе мотивированности фитонима *напоротник* было выявлено 5 реакций, содержащих мотиваторы *пара* и *рот*, например: «мужское растение как папа, редко открывает рот», и 4 реакции с лексическим мотиватором *пороть*: «растение, которое использовали, чтобы пороть». Согласно «Толковому словарю русского языка с включением сведений о происхождении слов», лексема *напоротник* (дериват др.-рус. *напортъ* ‘крыло, перо’) восходит к праслав. **raportъ* ‘крыло, перо’, т. е. мотивировочным признаком при номинации данного фитонима выступила форма листа, напоминающая крыло или перо птицы (ТС 2007). В процессе развития языка лексема *напортъ* устарела, обусловив тем самым утрату изначального мотивировочного признака и, как следствие, переосмысление фитонима. Среди названных респондентами номинационных признаков выделяются таинственность: «от слова тайна // молчание – богатство, золото» (6), место произрастания: «лесной цветок // лесное растение» (3), древность: «может, потому что существует на планете очень давно // одно из древнейших растений» (2). Несмотря на отсутствие в современном русском языке слова *напортъ*, форма листа отмечается в качестве номинационного признака в 3 реакциях: «за счет симметричного и имеющего своеобразную форму листа // необыкновенность листвы».

Фитоним *клевер* половиной респондентов рассматривается как лексически и структурно немотивированный (28). Однако и данная лексема начала подвергаться ремотивации: в качестве лексического мотиватора называется глагол *клеить*: «склеивает // приклеенный к земле // клейкий» (4), отмечены 2 попытки лексической мотивации посредством *клевый*: «корова любит эту траву, клево, хорошо» и 1 попытка мотивации глаголом *клевать*: «от „клевать“, возможно, семена нравятся птицам». Примечательно, что фитоним *клевер* – единственная из исследованных лексем, проявляющая тенденцию к структурной ремотивации. В качестве значимого структурного сегмента выделяются, в частности, ВЕР: клевер → клеВЕР (ср.: коВЕР) (4) и ЕР: клевер → клеВЕР (ср.: веЕР) (1).

Лексема *пижма* рассматривается как полностью немотивированная наибольшим числом респондентов (32). Если у остальных фитонимов изначальный мотивационный признак был утрачен или переосмыслен при регистрации изначального номинационного признака, то лексема *пижма* утратила не только свой изначальный мотивационный, но и номинационный признак. Ни один из респондентов не отмечает в качестве номинационного признака запах растения, ср. «лексема *пижма* была заимствована в русский язык через посредство польск. *piżmo* ‘мускус’ или чеш. *pižmo* ‘мускус’ из двн. *bisamo* ‘мускус’, куда, в свою очередь, пришла из латыни: лат. *bisamum* ‘ароматное вещество’» (Моисеева, 2013). Отмечаются, в частности, место произрастания (5), цвет (4), строение (3), назначение (3) и вкус (2). Нулевая актуализация мотивационных отношений данного фитонима обуславливает замедленность его ремотивации, несмотря на давность заимствования. В ходе эксперимента было также замечено паронимическое сближение фитонима *пижма* с лексемой *пижмама* (5). Была предпринята только одна попытка лексической мотивации фитонима: «от глагола «сжимать», возможно, растение вызывает колики и спазмы».

В ходе анализа также было установлено, что демотивации может подвергнуться не только лексема целиком, но и один из ее компонентов. В качестве примера выступает фитоним *девясил*. Несмотря на то, что около половины опрошенных по-прежнему указывают оба компонента лексем: ДЕВЯ и СИЛ и актуализируют в метатекстах изначальный номинационный и мотивационный признаки¹⁰, например: «у этого растения девять сил и широкое применение // увеличивает силу / здоровье в девять раз // лекарственное растение, про которое говорили, что оно имеет девять сил» (20), многие респонденты не выделяют первый компонент ДЕВЯ и не реализуют его даже опосредованно через номинационный признак, ср. «дает силы // придает силу, энергию // трава, дающая много сил» (18). Учитывая, кроме того, среднюю степень демотивации фитонима в целом (9), можно предположить, что он и дальше будет подвергаться влиянию тенденции к произвольности языкового знака, что, возможно, приведет к его полной демотивации. Определенную роль в этом процессе также может сыграть редкая актуализация фитонима в речи.

Черты лексикализации ВФС были в разной степени выявлены у всех анализируемых лексем. Среди лингвистических причин лексикализации выделяется редкая, иногда нулевая актуализация мотивационных отношений (ср. *клевер*, *пижма*). К экстралингвистическим причинам следует отнести малую информативность и неосведомленность респондентов о внешнем виде и/или свойствах растения. Например, БЕЛ/ена «возможно, связано с белыми цветами // возможно, связано с белым цветом // наверно, имеет основной белый цвет» (8)¹¹, ГВОЗДИК/а «наверно, потому что «плоды» гвоздики по форме похожи на гвоздики» (4), ДЕВЯ/СИЛ «возможно, от слов девять и сил, употребляется для укрепления здоровья, иммунитета // скорее всего, данное растение придает силы, излечивает от девяти болезней» (9), КРОВ/о/ХЛЕБ/КА «возможно, данное растение способно останавливать кровь // останавливает кровотечение, скорее всего, судя по названию // ну, тут либо цвет лег в основу названия растения, либо свойство останавливать кровь» (6), КУВШИН/ка «может быть, потому что растет на воде, и в кувшин тоже воду набирают // возможно, форма немного напоминает кувшин» (4), ПУСТЫР/НИК «может быть, растет на пустыре, в пустынных местах // растет на пустырях? если честно, не знаю, где он растет» (6), ТЫСЯЧЕ/ЛИСТ/НИК «если честно, никогда не видел тысячелистник, может быть, у него много листьев» (4), ЧИСТ/о/ТЕЛ «каким-то образом очищает тело?» (4).

Другой экстралингвистической причиной лексикализации является утрата связи с мотивировочным признаком в случае, если он выражен именем собственным (Филатова, 2004: 134). В качестве примеров можно привести лексемы ВАЛЕР/И/АНА «может быть, есть легенда о человеке по имени Валерий и этом растении // от имени Валерьян, возможно» (6)¹², ВАСИЛ/ек «не знаю, Василий? но при чем тут имя? // очевидно, пошло от какого-то голубоглазого Василия // может быть, потому что этот цветок широко распространен как и имя Василий» (8)¹³ и ИВАН/ЧАЙ «пьет воду, как

¹⁰ Согласно старинным русским травникам, растение обладало девятью волшебными силами и широко применялось в народной медицине (Моисеева, 2013).

¹¹ Цветы белены имеют грязно-желтый цвет и сеть темно-фиолетовых жилок (Гаммерман, 1983).

¹² Заимствование из лат. *valeriana* через фр. *valériane* 'валериана' (Моисеева, 2013).

¹³ Восходит к греч. *basilikos* 'царский, царственный' (Моисеева, 2013).

Иван чай, может, фразеологизм был или шутка, а все потом забыли // возможно, растение святого Иоанна // вероятно, какой-то Иван использовал этот сорняк в качестве чая» (8).

Отдельно следует обратить внимание на два фитонима, находящиеся на разных стадиях мотивированности языкового знака и проявляющих, тем самым, черты обеих динамических тенденций: *лебеда* и *лопух*. Около одной трети респондентов рассматривают данные лексемы как немотивированные (16), однако показания остальных респондентов позволяют сделать вывод о том, что данные фитонимы находятся в процессе активной ремотивации. Носителями языка отмечаются различные стадии мотивированности указанных лексем, от лексикализации ВФС до частичной и полной ремотивации.

О лексикализации ВФС *лебеда* свидетельствуют, в частности, реакции типа «не знаю, может, лебедка, лебедь, хотя при чем здесь? // листья, особенно снизу, напоминают крылья лебедя, наверное, я только воображаю // как-то связано с лебедями // лебеда от слова лебедь?, не знаю, если честно // не знаю, скорее всего, это беда для огородников» (9). Около половины респондентов осознают фитоним *лебеда* как частично мотивированный, в качестве мотиватора указываются существительное *беда* (12): ВФС₁ ле/БЕДА ‘<от слова> беда’, «беда для культурных растений // ядовитое, приносит беду // говорить беду // тяжелая беда» и существительное *лебедь* (9): ВФС₂ ЛЕБЕД/а ‘<как> лебедь’, «белый как лебедь // подходит к слову лебедь // лебединая трава // от слова лебедушка // любима лебедями». Также была отмечена одна реакция, выделяющая во ВФС *лебеда* два мотивировочных признака: ВФС₃ ЛЕ/БЕДА ‘летняя беда’, «летняя беда для огорода».

Фитоним *лопух*, согласно метатекстам, проявляет среди прочих фитонимов наибольшую полимотивацию и соответственно вариантность ВФС. В ходе эксперимента было выявлено пять ВФС, в основе которых лежат разнообразные лексические мотиваторы. Так, некоторые респонденты признают фитоним полностью мотивированным, называя в качестве мотиваторов прилагательное *лопоухий* (2), что позволяет констатировать ВФС₁ ЛОП/УХ, и глагольную фразу *ловить пух* (1), что свидетельствует о наличии ВФС₂ ЛО/ПУХ. Многие респонденты считают фитоним *лопух* частично мотивированным, указывая при этом различные лексические мотиваторы, в частности существительное *ухо/уши* (7) и междометие *ух* (1), т. е. ВФС₃ лоп/УХ, существительные *пух/пушок* и прилагательное *пушистый*, т. е. ВФС₄ ло/ПУХ (4). Такие мотиваторы, как *лопата* (1), *лопасть/лопастной* (2) и *лопаться* (1) обуславливают ВФС₅ ЛОП/ух.

Показания метатекстов свидетельствуют не только о ремотивации лексемы *лопух*, но также выявляют черты процесса лексикализации ВФС. Так, в 4 случаях респонденты не уверены в ответе, в определении структуры ВФС и выделении мотивирующей части лексемы: «может быть, связано как-то с тем, что листья большие, ну, и людей с большими ушами называют лопухими // на листьях есть небольшой пушок, ло- расшифровке не поддается // наверное, пух как-то распространяет, может с семенами, а про ло- не знаю // может быть, похож на лопату».

Примечательно, что при утрате и/или переосмыслении исходного мотивационного признака лексема *лопух* тем не менее сохранила изначальный номинационный признак

форма/размер листа. Согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, рус. *лопух* восходит к лит. *lāpas* ‘лист’ (Фасмер, 2009: 520). Респонденты осознают принцип номинации фитонима не только вне отношений мотивации (9), например: «растет большими листьями // вероятно, из-за больших листьев // потому что большой, все, что большое, называют лопухами // могучий // за счет своеобразной формы листа», но и частично реализуют его в метатекстах (12), например: «листья как большие уши // большой лист, похож на уши // большие листья, напоминают уши слона // большие лопастные листья // широкие листья, похожие на лопату».

В ходе анализа полученных метатекстов также было установлено, что 11 фитонимов не изменили с развитием языка своих мотивационных и/или номинационных признаков, т. е. не подверглись динамическим изменениям. Так, номинация фитонима *бессмертник* была вызвана способностью данного растения сохранять внешний вид неизменным даже после срезки (Моисеева, 2013). Показания современного метаязыкового сознания указывают на то, что не только номинационный, но и мотивационный признак остались неизменными, например: «долго не увядает // бессмертный, значит, долгоживущий // цветок даже сухой сохраняет свой цвет и форму, т. е. бессмертный». Изначальный номинационный признак фитонима *гвоздика* – форма семян сходна с гвоздем, перенесенный впоследствии на виды растения, не употреблявшиеся в качестве приправы (Моисеева, 2013), также был сохранен метаязыковым сознанием, например: «похожа на гвоздь // семена как гвозди // цветок похож на шляпку гвоздя». Фитоним *кувшинка* практически всеми респондентами отождествляется с лексемой *кувшин* (45), а в качестве номинационного признака называется форма цветка (13), что также позволяет констатировать стабильность исходных мотивационных и номинационных признаков фитонима (Моисеева, 2013). Кроме того, следует отметить полную мотивированность данной лексемы, что доказывается отсутствием у респондентов затруднений при анализе фитонима.

Заимствованная из перс. *dārmān* ‘лекарство’ лексема *дурман* была уже на начальном этапе переосмыслена языковым сознанием и, пройдя стадию ремотивации, стала отождествляться с лексемой *дурной* (Моисеева, 2013). Данный процесс был вызван не только сходством внешней формы слова, но и свойством самого растения опьянять, туманить разум человека (Гаммерман, 1983). Показания современного метаязыкового сознания позволяют констатировать неизменность мотивационного и номинационного признаков фитонима. Так, в своих ответах респонденты указывают в качестве мотиваторов лексемы *дурманить*, *одурманить*, *дурить*, *дурной*, *дурманящий*, а в качестве номинационных признаков – способность вызывать помутнение сознания, при этом часто подчеркивается запах растения, например: «обладает свойством помутить рассудок // сильный запах, воздействует на психику // запах кружит голову».

Фитоним *душица*, исходная номинация которого произошла ввиду сильного и резкого аромата соцветий, являлся мотивемой лексемы *дух* ‘запах’ (Моисеева, 2013) и представляет собой, таким образом, еще один пример стабильности языкового знака. 51 реакция подтверждает неизменность исходного номинационного и мотивационного признака, например: «связано с приятным запахом растения // имеет душистый

запах // в чай заваривают, дает дух приятный // имеет явный запах и аромат // сильно пахнущее растение».

Фитонимы *подорожник* и *пустырник*, объединенные номинационным признаком место произрастания (Моисеева, 2013), также не утратили своей изначальной мотивировки, что подтверждается полученными в ходе эксперимента метатекстами. Так, *подорожник*, согласно 48 реакциям, «растет по дороге // растет вдоль дорог // растет при дорогах». Следует отметить полную мотивированность данной лексемы и стабильность ее номинационных и мотивационных признаков. Лексема *пустырник* также мотивируется большинством респондентов местом произрастания растения, например: «произрастает преимущественно на пустырях // растет там, где ничего нет, где всегда пусто // пустырное растение // из-за того, что растет в пустынных местах, где другие растения редкость // растет в заброшенных местах» (39).

Фитонимы *мать-и-мачеха* и *тысячелистник*, общим номинационным признаком которых является внешний вид / строение листа (Моисеева, 2013), проявляют тот же признак и в большом количестве полученных метатекстов. Половина респондентов отмечает при анализе фитонима *мать-и-мачеха* противоположность свойств листа (разность внешней и внутренней сторон), иногда растения в целом, как основу номинации (24); часто положительные качества одной стороны листа отождествляются с «матерью», отрицательные – с «мачехой», например: «одна сторона [листа] теплая, как мать, а другая холодная, как мачеха // сверху гладкая, снизу колючая, или, наоборот (в детсаду нам это еще рассказывали), по аналогии: мама – добрая, мачеха – злая» (13). Таким образом, можно сделать вывод, что не только изначальная номинация, но и сами мотиваторы, а также их двусторонняя связь были сохранены языковым сознанием.

В случае с лексемой *тысячелистник* наблюдается некоторое отклонение от изначального номинационного признака: многократно рассеченная форма листа (Моисеева, 2013). Несколько респондентов подменяют форму листа формой соцветий (7) или объединяют два номинационных признака в один, например: «тысяча лепесточков в соцветии // мелкие цветочки, много // у него много маленьких цветочков и мелко сегментированные листики, кажется, что тысячи их». Несмотря на небольшое искажение номинационного признака, мотивационный признак остался неизменным, актуализуемые мотиваты – *тысяча* и *листочек* (*листочек, листья, листы*), например: «много листочков в сложном листе // тысяча листьев // много листочков у него, сложно подсчитать // много-много листьев».

Объединенные общим мотивировочным признаком лекарственные свойства растения фитонимы *чистотел* и *кровохлебка* также сохранили, согласно полученным показаниям метаязыкового сознания, свою изначальную номинацию. При номинации фитонима *чистотел* в качестве мотивировочного признака выступало свойство растения лечить кожные заболевания, сводить бородавки и т. п. (Гаммерман, 1983). Современным метаязыковым сознанием отмечается, что чистотел «очищает, делает чистым тело // использовался в народной медицине для удаления различных бородавок, мозолей и т. д., т. е. чтобы очистить тело // избавляет тело того, который им моется, от всяких болячек // антибактериальный // очищает от грязи // хорошо воздействует на кожу, ле-

чит ее (здоровая кожа – чистая кожа)», т. е. номинационный признак был сохранен (52). В качестве мотиваторов также выступают лексемы, легшие в основу номинации: *чисто* (*чистый, чистить, очищать*) и *тело*, например: «используется для удаления бородавок, в настое купают детей, т. е. он чистит тело // тело чистое после купания».

Согласно справочному пособию А. Ф. Гаммерман «Лекарственные растения», кровохлебка применялась в качестве кровоостанавливающего средства, название было заимствовано калькированием из латыни: лат. *sanguis-sorba* ‘кровь всасывать (хлебать)’ (Гаммерман, 1983). В ходе анализа метатекстов было установлено, что большинство респондентов по-прежнему отмечают в качестве номинационного / мотивационного признака способность растения останавливать кровотечение, например: «останавливает кровь // обладает сильно выраженным кровоостанавливающим эффектом // используют для того, чтобы остановить кровь // как бы пьет, хлебает кровь»¹⁴ (34).

Таким образом, в ходе проведенного психолингвистического эксперимента было установлено, что 12 фитонимов подверглись динамическим изменениям в сильной степени, проявляя черты различных мотивологических процессов – ремотивации, лексикализации ВФС и демотивации. Полученные реакции носителей языка также подтверждают комплексность и взаимопроникновение данных процессов. В частности, одна и та же лексема может проявлять черты и ремотивации, и лексикализации ВФС, и демотивации, что позволяет рассматривать язык как динамическую развивающуюся систему.

11 фитонимов подверглись динамическим мотивологическим процессам лишь в незначительной степени (небольшое число респондентов считают лексему демотивированной, лексикализируют ее внутреннюю форму или предпринимают попытки ремотивации) или вовсе не изменили, согласно полученным показаниям, своих изначальных мотивационных и номинационных признаков. Данный факт подтверждает стабильность языкового знака и свидетельствует, таким образом, о константности как языковых, так и внеязыковых свойств фитонимов в русской языковой картине мира.

В заключение также следует отметить, что ряд мотивологических аспектов и некоторые группы показаний метаязыкового сознания остались за рамками данного исследования (метафоризация мотивом, попытка структурной мотивации и ремотивации, указание на иноязычное происхождение лексемы), что требует дальнейшего более глубокого и детального анализа с возможным привлечением данных других языков.

¹⁴ Следует, однако, отметить, что в 5 реакциях в качестве номинационного признака отмечается цвет соцветий, мотивационный признак при этом реализуется как непосредственно, например: «красные шишечки, как кровь», так и опосредованно, например: «красные соцветия, как будто наполнены кровью // красное растение, будто напившиеся крови».

Список литературы

- БАП – Большой атлас природы России. М.: Эгмонт Россия Лтд., 2005. С. 259.
- Блинова О. И. Ключевые термины мотивологии: Испытание временем (1971–2011 гг.) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 10 (125). С. 136–140.
- Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты. Томск, 2007.
- БС – Биологический словарь / Энциклопедическое описание донника. URL: <http://sbio.info/page.php?id=10989&ratings=1> (дата обращения: 05.03.2014).
- Гаммерман А. Ф., Кадаев Г. Н., Яценко-Хмелевский А. А. Лекарственные растения (Растения-целители): справ. пос. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1983.
- Головкин Б. Н. О чем говорят названия растений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Колос, 1992.
- Моисеева Е. Ю. Мотивировочные признаки наименований основных лекарственных растений в русском языке. III Всероссийский фестиваль науки. XVII Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (22–26 апреля 2013 г.): в 5 т. Т. II: Филология. Ч. 2: Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Томск: Изд-во ТГПУ, 2013. С. 185–193.
- Мотивология: Библиографический указатель. 2-е изд., испр. и доп. / сост. О. И. Блинова, А. С. Савенко, А. В. Шевчик; под ред. О. И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012.
- Которова Е. Г. Коммуникативно-прагматическое поле как метод комплексного описания способов реализации речевых актов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований / под ред. А. Ю. Фильченко. 2013. № 1 (1). С. 58–67.
- ТС – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2007.
- Тубалова И. В. Показания языкового сознания как источник изучения явления мотивации слов: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1995.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стер. М.: Астрель: АСТ, 2009. Т. 1. С. 147. Т. 2. С. 520.
- Филатова А. С. Фитонимическая лексика русского, английского и французского языков в мотивационно-сопоставительном аспекте // Теоретические и прикладные аспекты филологии: сб. науч. тр., посвящ. 10-летию каф. рус. яз. и лит. Института языковой коммуникации Томского политехнического университета / под ред. З. И. Рязановой. Томск: STT, 2004. С. 131–137.

Моисеева Е. Ю., аспирант, ассистент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: egyptcat17@gmail.com

Материал поступил в редакцию 05.07.2014.

Moiseeva E. Yu.

WORD MOTIVATION IN THE DYNAMICS OF LANGUAGE (BY IN RUSSIAN HERBS NAMES)

The article deals with word motivation in the dynamics of language according to the data of a psycholinguistic experiment. The experiment was intended to analyze motivation of herbs names in the view of their linguistic development. There were chosen 23 Russian herbs names (names of wild herbaceous medical plants growing in the Western and Eastern Siberia), which were analyzed and classified depending on their motivation before the experiment. Respondents were to answer the question “Why do you think these plants have such names?” during the experiment.

There were asked 54 respondents. 1242 given responses were determined into seven groups after the analysis of experiment data. The further study considered the amount of responses in each group.

Thus all the chosen herbs names tend to be both motivated and not motivated. 12 of them show features of remotivation, lexicalization of the inner form of the word and demotivation. 11 names show small or no features of any dynamic motivation changes. No names have features of neo-motivation or idiomatic changes.

It should be also noted, that some motivation features were not considered during the experiment and so need further studies probably appealing to other languages.

Key words: *motivation, motivology, motivational features, nominational features, herbs, remotivation, demotivation, lexicalization, inner form of the word.*

References

- Bol'shoj atlas prirody Rossii* [Big atlas of nature of Russia]. Moscow, Egmont Rossija Ltd Publ., 2005. P. 259 (in Russian).
- Blinova O. I. Kl'uchevye terminy motivologii: Ispytanie vremenem (1971–2011 gg.) [Key terms in motivology: The test of the time (1971–2011)]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 10 (125), pp. 136–140 (in Russian).
- Blinova O. I. *Motivologija i jeje aspekty* [Motivology and its aspects]. Tomsk, 2007 (in Russian).
- Biologičeskij slovar' / Enciklopedičeskoe opisanie donnika* [Biological Dictionary / Encyclopedic description of melilot]. URL: <http://sbio.info/page.php?id=10989&ratings=1> (Accessed: 05 March 2014) (in Russian).
- Gammerman A. F., Kadaev G. N., Jatsenko-Khmelevskij A. A. *Lekarstvennye rastenija (Rastenija-celiteli)*. Sprav. posobie. 3-e izd., pererab. i dop. [Medicinal herbs: Reference guide]. Moscow, Vushhaya shkola Publ., 1983 (in Russian).
- Golovkin B. N. *O chem govoryat nazvanija rastenij* [What the plant names tell]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow, Kolos Publ., 1992 (in Russian).
- Moiseeva E. Ju. *Motivirovochnye priznaki naimenovanij osnovnyh lekarstvennyh rastenij v russkom jazyke* [Motivational features of the names of medicinal plants in Russian]. III Vserossijskij festival nauki. XVII Mezhdunarodnaja konferencija studentov, aspirantov i molodyh uchenykh “Nauka i obrazovanie” (22–26 aprelja 2013 g.): V 5 t. T. II: Filologija. Ch. 2: Aktual'nye problemy lingvistiki I metodiki prepodavanija inostrannyh jazykov. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 2013. Pp. 185–193 (in Russian).
- Motivologija: Bibliografičeskij ukazatel'* [Motivology: Bibliography guide]. 2-e izd., ispr. i dop. / sost. O. I. Blinova, A. S. Savenko, A. V. Shevchik; pod. red. O. I. Blinovoj. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2012 (in Russian).
- Kotorova E. G. Kommunikativno-pragmaticeskoe pole kak metod kompleksnogo opisanija sposobov realizacii rečevykh aktov [Communicative-pragmatic field as a method of complex description of realization of speech acts]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2013, no. 1 (1), pp. 58–67 (in Russian).

Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vkl'ucheniem svedenij o proishozhdenii slov [Thesaurus of Russian with data on word origin]. RAN. Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova. Otv. red. N. Ju. Shvedova. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007 (in Russian).

Tubalova I. V. *Pokazaniya jazykovogo soznaniya kak istochnik izuchenija javleniya motivacii slov* [Indications of linguistic mind as a source of studies in word motivations]. Dis.: cand. filol. sci. Tomsk, 1995 (in Russian).

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka* [Etymological dictionary of Russian]. V 4 t. per. s nem. i dop. O. N. Trubachova. 4-e izd., ster. Moscow, Astrel', AST Publ., 2009. T. 1, p. 147. T. 2, p. 520 (in Russian).

Filatova A. S. *Fitonimicheskaja leksika russkogo, anglijskogo i francuzskogo jazykov v motivacionno-sopostavitel'nom aspekte* [Fitonymic lexicon of Russian, English and French: motivation-comparative aspect]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty filologii. Sbornik nauchnyh trudov, posvjash'ennyh 10-letiju kafedru russkogo jazyka i literaturu Instituta jazykovej kommunikacii Tomskogo politehnicheskogo universiteta* [Theoretical and applied aspect of philology. Collection of papers]. Ed. Z. I. Rjazanova. Tomsk, STT, 2004. Pp. 131–137 (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: egyptcat17@gmail.com